

О значении Гоголя в истории русской литературы

1 апреля 2009 года исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя¹. Для России, русской культуры это знаменательная дата. Интерес наших соотечественников к творчеству Гоголя никогда не угасал. В чем секрет такой популярности? Гоголь не только классик русской литературы, но и великий патриот России. «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русской, – писал он своему другу графу Александру Петровичу Толстому. – Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русской Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви» (VIII, 300).

Это письмо, названное Гоголем «Нужно любить Россию» и включенное в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», было запрещено цензурой и не печаталось при жизни автора. Оно и сегодня, к сожалению, не так широко известно. Да и сама книга, о которой много написано, едва ли понята в своей сути. В ней Гоголь во всеуслышание высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию, слово писателя. Он выступил в роли государственного мыслителя, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше.

Все вопросы жизни – бытовые, общественные, государственные, литературные – имеют для Гоголя религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к преобразованию общества через преобразование человека. «Общество образуется само собою, общество слагается из единиц, – говорил он. – Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою.<...> Нужно вспомнить человеку, что он во все не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство» (XIII, 443).

Гоголь указал на два условия, без которых никакие благие преобразования в России невозможны. Прежде всего, нужно любить Россию. А что значит – любить Россию? Писатель поясняет: «Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, – нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова» (VIII, 441).

Не должно также ничего делать без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу

Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» (VIII, 284). Для Гоголя понятие христианства выше цивилизации. Залог самобытности России и главную ее духовную ценность он видел в Православии.

Гоголь учил сознательному, ответственному отношению к жизни. Незадолго до смерти (в письме к протоиерею Матфею Константиновскому 1850 г.) он говорил: «Хотелось бы живо, в живых примерах, показать темной моей братии, живущей в мире, играющей жизнью, как игрушкой, что жизнь – не игрушка» (XIV, 179). Современный человек во многом утратил представление о том, для чего он живет, что ему делать со своей жизнью. Раньше он это понимал через православную веру, которая учит чувству ответственности.

Фольклорные образы и сюжеты, почерпнутые из преданий, народных песен и дум, сочетаются в произведениях Гоголя с жизненным реализмом, образуя неповторимый художественный синтез. Великий знаток человеческой души, доподлинно знавший, как неискоренимо зло в человеческой натуре, он был также гениальным лириком, тонко и проникновенно умевшим почувствовать красоту родной природы и величие человеческого духа.

Гоголь воспел героическое прошлое казачества, рыцарскую преданность Отечеству и вместе с тем в поэтическом песенном образе неудержимо несущейся птицы-тройки выразил уверенность в великом духовном будущем своей страны и народа. Для него русский и малороссиянин – близнецы-братья, призванные к тому, чтобы составить «нечто совершеннейшее в человечестве» (XII, 419).

Что касается художественного стиля Гоголя, то он стремился выработать его таким, чтобы в нем сливались стихии церковнославянского и народного языка. Это подтверждается, в частности, собранными им «Материалами для словаря русского языка», где представлены слова и диалектные, и церковнославянские. По Гоголю, характерное свойство русского языка – «самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи» (VIII, 233). При этом он подчеркивал, что под русским языком понимает «не тот язык, который изворачивается теперь в житейском обиходе, и не книжный язык, и не язык, образовавшийся во время всяких злоупотреблений наших, но тот истинно русский язык, который незримо носится по всей Русской земле, несмотря на чужеземствованье наше в земле своей, который еще не прикасается к делу жизни нашей, но, однако ж, все слышат, что он истинно русский язык...» (VIII, 358).

Эти мысли легли в основу характеристики Гоголем русского языка в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», которую по праву можно назвать эстетическим манифестом писателя. «Необыкновенный язык наш есть еще тайна <...> – говорит Гоголь. – Он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом в од-

ной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека»(VIII, 408–409).

Не удивительно, что Гоголь отчасти и проник в тайну этого рождающегося языка. Приобретая драгоценный опыт, он стремился поделиться им с друзьями-литераторами, например, Николаем Языковым, которому писал в 1843 г. из Бадена: «В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно, примись за него, как рыбак, с карандашом в руке, читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое, нежданное слово или оборот, записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом» (XII, 205).

Сохранившиеся тетради выписок Гоголя из творений святых отцов и богослужебных книг свидетельствуют о том, что ему хорошо известна была христианская книжность. Судя по всему, он искал путей к тому, чтобы стать духовным писателем в собственном смысле этого слова. Духовная, церковная литература по форме имеет ряд отличий от литературы светской, хотя между этими видами словесности имеются некоторые общие приемы, в том числе и художественные. Но духовное творчество имеет строго определенную цель, направленную к объяснению смысла жизни по христианскому вероучению. Такое творчество основывается на Священном Писании и имеет определенные признаки. Писатель, взявшийся решать вопросы сокровенной жизни «внутреннего человека», сам должен быть православным христианином. Он обязан также основательно знать предшествующую традицию церковной литературы, а она корнями уходит в Святое Евангелие – источник духовного слова, резко отличающийся по своей направленности от основы, породившей художественную литературу во всем разнообразии ее проявлений. Наконец, для церковного писателя необходима живая вера в Промысл Божий, в то, что во Вселенной все совершается по непостижимому замыслу ее Создателя. В своем зрелом творчестве Гоголь приблизился именно к такому пониманию целей литературы.

Назначение искусства, считал Гоголь, – служить «незримой ступенью к христианству», ибо современный человек «не в силах встретиться прямо со Христом» (VIII, 269). По Гоголю, литература должна выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных писателей, – просвещать душу, вести ее к совершенству. В этом для него – единственное оправдание искусства. И чем выше становился его взгляд на искусство, тем требовательнее он относился к себе как к писателю.

Суть творческого развития Гоголя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно *духовная* проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам зрелого творчества Гоголя можно отнести и со-

ставленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви – труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Молитвы Гоголя, написанные во второй половине 1840-х гг., свидетельствуют о его богатом молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания.

В постижении тайны проникновенного лиризма церковной поэзии, осознании значения церковнославянского языка в формировании русского литературного языка Гоголь опередил свое время. Для Гоголя русский литературный язык – единственный и прямой наследник церковнославянского языка, который в славянском мире иногда называли русским и который был общеславянским книжным (литературным) языком. «Честь сохранения славянского языка, – говорил он, – принадлежит исключительно русским»². Как-то в разговоре со своим земляком О. М. Бодянским, профессором истории и литературы славянских наречий Московского университета, Гоголь сказал: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски <...> надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан...»³.

В конце жизни, осенью 1851 г., по возвращении из Оптиной Пустыни Гоголь посетил на Покров Свято-Троицкую Сергиеву лавру, чтобы помолиться о своей матери в день ее именин. Там он вместе с отцом Феодором (Бухаревым) посетил студентов Московской Духовной академии. «Студенты приняли его с восторгом, – вспоминал архимандрит Феодор. – И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: "Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина"»⁴.

Несмотря на краткость сказанных Гоголем слов, он все же выразил перед будущими пастырями важную мысль о том, что чувствует свою общность с ними в служении Христу.

Константин Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя», имея в виду значение Гоголя в истории русской литературы, писал: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие "великую русскую литературу", ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы. Сила Гоголя была так велика, что ему удалось сделать невероятное: превратить пушкинскую эпоху нашей словесности в эпизод, к которому возврата нет и быть не может»⁵.

В этих словах много правды, хотя, наверное, перелом в русской литературе был не столь резок. В том же Пушкине, особенно зрелом Пушкине

1830-х гг., нельзя не заметить начал будущей русской литературы, что, кстати сказать, хорошо сознавал и Гоголь, называя поэта «нашим первоапостолом».

О значении Гоголя в истории русской литературы говорилось немало. Может быть, точнее других сказал об этом протоиерей Павел Светлов, профессор богословия Киевского университета Св. Владимира: «Мысль Гоголя о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия, так настойчиво высказанная им в нашей литературе в первый раз, явилась тем добрым семенем, которое выросло в пышный плод позднейшей русской литературы в ее лучшем и доминирующем этическом направлении. Призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви, был и остается великою заслугою Гоголя перед отечеством и делом великого мужества для его времени, чаявшего спасения в принципах европейской культуры»⁶.

В заключение приведем слова, сказанные новомучеником протоиереем Иоанном Восторговым на панихиде по Гоголю в 1903 г., в которых ясно видится смысл его духовного значения. «Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятным, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой. Да, отрадно воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, – писателю, который выполнил завет апостола: *слово ваше да будет солию растворено*⁷. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой. <...> Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания»⁸.

При жизни Гоголя ценили прежде всего как сатирика и юмориста. Многие в его творчестве стало понятно позднее. Любое направление или течение в литературе могло по праву видеть в нем своего предтечу. Гоголь стал первым представителем глубокого и трагического религиозно-нравственного стремления, которым проникнута русская литература. Выдвинутый им идеал воцерковления русской жизни – идеал до сей поры глубоко значимый для России.

Литературное значение Гоголя огромно. Его именем назван целый период русской литературы. И все-таки в сознание современников и последующих поколений он вошел как образец русского писателя, сознающего свою ответственность за то дело, к которому призван.

¹ Согласно свидетельству матери Гоголя и его родных, он родился 19 марта, а не 20-го, как ошибочно указано в метрической книге, и соответственно день

рождения писателя мы должны отмечать 1-го апреля по новому стилю. (В нашем столетии при пересчете со старого стиля на новый прибавляется 13 дней.) См. об этом: *Воропаев В.* Когда родился классик? // Литературная газета. М., 2009. 1–7 апреля.

² Цит. по: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9т. /Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 8. С. 30.

³ *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // Исторический Вестник. 1886. № 12. С. 479; *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // Соч. СПб., 1901. Т. 14. С. 99.

⁴ <*Феодор (Бухарев)*, архимандрит.> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 5–6.

⁵ *Мочульский К.* Духовный путь Гоголя. Париж, 1976. С. 86.

⁶ *Светлов П. Я.*, прот., проф. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (Богословско-апологетическое исследование). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1905. С. 232.

⁷ Кол. 4, 6.

⁸ *Восторгов И. И.*, протоиерей. Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением // *Восторгов И. И.* ПСС: В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 226–227.